

В

от уже пятнадцать лет проводятся научные конференции по наследию поэта Юрия Кузнецова (1941–2003). Он нас собирает для того, чтобы мы поразмышляли, как нам теперь быть и жить дальше. Изначально, уже с книги «Во мне и рядом — даль» (1974) стало ясно, что в русскую литературу пришел большой национальный поэт. Не один из его поколения, а единственный, находящийся в пушкинской традиции — быть эхом народа: «И неподкупный голос мой был эхо русского народа».

Поэт, успев заявить о себе в относительно благополучное время, пришел накануне и в начале трагических потрясений в нашей стране и мировых цивилизационных потрясений, смысл и значение которых нам еще не вполне ясны. Он, разумеется, знал о том, *что* несет в себе, знал и об этих будущих наших встречах, когда еще молодым человеком писал:

После смерти, когда обращаться
Вам уж незачем будет ко мне,
Будет долго вопить и шататься
Моя память на этой земле.

¹ Выступление на XV ежегодной научно-практической международной конференции, посвященной творческому наследию Ю.П. Кузнецова, в Литературном институте им. А.М. Горького.

В его поэзии оказались воплощенными такие духовно-мировоззренческие представления, которые дают ключ для понимания того, что происходит в мире, в стране и с нами. Ведь истинный поэт, тем более большой поэт, постигает главные вопросы нашего бытия: что есть этот мир и человек в этом мире? Постигает тайну человеческого бытия заново, несмотря на своих предшественников, но находясь с ними в духовной преемственности. Юрий Кузнецов явил нам уникальный, единственный в своем роде пример нашего народного и человеческого возвращения к своей истинной вере, к духовной природе человека, загроможденной социальными представлениями и, разумеется, «передовыми» учениями, умаляющими и удушающими человека во всем мире.

Кто на веру из нас не тяжел!
Кто по деду из нас не безбожник!
Всякий сброд через хату прошел,
В нашей хате растет подорожник.

И теперь перед нами предстал во всей глубине и значимости этот бесценный опыт поэта. Стало ясно, что те дискуссии, которые велись вокруг его поэмы о Христе, определялись, главным образом, недостаточным знанием нами Священного Писания. Когда было разрешено и велено верить, немногие осознали, что таких вот социально-коллективных, групповых возвращений к вере не бывает. А если они предпринимаются, то, в конечном счете, направлены на дискредитацию и веры, и земной Церкви. И многие писатели в то время, бросив свое трудное дело, побежали в храм, словно не ведая о том, что, говоря словами А. Блока, «истинное искусство в своих стремлениях не совпадает с религией». Есть евангельская мудрость, которая объясняет все эти наши невразумительные полемики: «И кто не берет креста своего, и следует за Мною; тот не достоин Меня» (Мф. 10:38). Заметим, *креста своего*, а не *Его* креста. То есть мы следуем Христу только исполняя свое, Богом данное предназначение. И никак не иначе. И это не то, что понимали, но так жили и творили наши великие предшественники: «Мой крест несу я без роптанья» (М. Лермонтов); «И крест свой бережно несу» (А. Блок).

На «крестный путь» вышел и Юрий Кузнецов. Но понятно, что ему, выросшему с «инфантильным поколеньем», в среде, где преобладали позитивистские и материалистические воззрения, было ох как непросто — в отличие от его предшественников.

Замечательный историк, недавно ушедший из жизни, Александр Николаевич Боханов в своей книге «Царь Иоанн Грозный» отмечал поразительный факт из его научной практики: «По опыту личного и многолетнего общения с историками разных возрастов и званий, автор с полным основанием может утверждать, что многие, очень многие историки никогда Библии в руках не держали. Не говоря уже о том, чтобы ее постигать. При этом они изучали историю России — православный мир, православное государствоустройство, не желая знать и понимать, что духовная составляющая является фокусом, центром этого мира... Секулярно-позитивистская наука совершенно беспомощна здесь, а потому априори недоверна» (М., ФИВ, 2015). Это — об исторической науке. И уж тем более позитивистское, материалистическое сознание не может постичь творения духа, вершинные произведения русской литературы.

Проблемы веры в наследии Юрия Кузнецова не существует. Есть проблема, скорее, нашего безверия. Слабого знания Библии. Нежелание и неумение понять, что Библия — это не исторический источник. Она — не о том, что было когда-то, а о том, что и как бывает всегда с человеком в его земной жизни...

Теперь, когда прошло время, открывается *пророческая сущность* творчества и наследия Юрия Кузнецова. Когда случился пожар в Соборе Парижской Богома-

тери, я был поражен тем, что за сорок лет до этого Юрий Кузнецов, по сути, его предвидел в стихотворении: «Для того, кто до-прежнему молод, / Я во сне напоил лошадей. / Мы поскачем во Францию-город / На руины великих идей».

Великие поэты знают о своем пророческом даре. А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому прямо признавался: «...я, — пророк в своем отечестве!». М.Ю. Лермонтов: «С тех пор как вечный судия / Мне дал всеведение пророка». А.А. Блок: «Открой мои книги: там сказано все, что свершится. / Да, был я пророком, пока это сердце молилось...» Знал об этом своем пророческом даре и Юрий Кузнецов. А потому только обыденному, позитивистскому сознанию могут показаться эпатажными такие слова: «Звать меня Кузнецов. Я один...» У поэтов — все совсем иначе. Когда молодой А. Блок в 1900 году, еще даже не поступивший в университет, писал стихотворение «Смеялись бедные невежды», это тоже могло казаться самонадеянностью. Но все свершилось именно по писаному:

...Мне самому и дик и странен
Тот свет, который я зажег,
Я сам своей стрелой ранен,
Сам перед новым изнемог.
Идите мимо — погибаю,
Глумитесь над моей тоской.
Мой мир переживет, я знаю,
Меня и страшный смех людской.

Поэзия Юрия Кузнецова изначально давала повод рассматривать себя не только в соотношении с обыденностью и реальностью, но с мировыми цивилизационными процессами в свете русской литературной традиции. А потому основные представления о мироустройстве предстают в его творчестве в своем исконном и истинном виде — незаслоненными всевозможными соображениями:

Все три Рима — вот мое богатство!
Вот мое святое божество!
А свобода, равенство и братство —
Призраки и больше ничего.

Заметим — все три Рима, а не третий Рим... Или в стихотворении «Уроки французского»:

Кровь голубая на помост хлестала...
Ликуй, толпа! Сжимай свое кольцо!
Но, говорят, Антуанетта встала
И голову швырнула им в лицо.
Я был плохим учеником, признаться;
В истории так много темных мест.
Но из свободы, равенства и братства
Я вынес только королевский жест.

Пожалуй, главное в наследии Ю. Кузнецова — это трудные думы о судьбе мира, о нашем дальнейшем человеческом существовании, что связано даже не с угрозой мировой войны, не с экологическими проблемами, а с состоянием самого человека, утратой им своей духовной сущности. Как, скажем, в стихотворении «Предчувствие»:

Все опасней в Москве, все несчастней в глуши.
Всюду рыщет нечистая сила.
В морду первому встречному дал от души,
И заныла рука, и заныла.

Все грозней небеса, все темней облака.
Ой, скаженная будет погода!
К перемене погоды заныла рука,
А душа — к перемене народа.

А это неизбежно сопровождается неким угрожающим сбросом цивилизации:

Гори, огоны! Дымись, библиотека.
Развейся, пепел, по сырой земле.
Я в будущем увидел человека
С печатью вырожденья на челе.
В написанном чернилами и кровью
Немало есть для сердца и ума,
Но не сулит духовного здоровья
Кровосмешенье слова и письма.

Юрий Кузнецов, может быть, один из первых и немногих прозрел то, что человеческая цивилизация вступает в некий новый период своего бытия — катастрофический период, связанный с утратой человеком своей духовной природы. В Священном писании выгорают строки, если соль теряет свою силу:

От вечной книги дым валит,
В ней выгорают строки.
Мир покосился, но стоит...
Еще не вышли сроки.

Если же говорить о литературной традиции, к которой восходит поэзия Юрия Кузнецова, то, конечно же, это Александр Блок. Тут и схожесть творческих методов в поисках цельности этого мира, и схожесть революционных эпох, в которых довелось жить поэтам. С абсолютным преобладанием революционного, а не традиционного типа сознания. Неслучайно Юрий Поликарпович так часто приезжал в блоковские места Подмосковья, в Солнечногорск.

Он писал: «Три поколенья после Блока серы», — в смысле, что соперника ему не оказалось. Это вовсе не значит, что в послевоенный период не было выдающихся и больших поэтов. Он искал родственного поэта по цельному мировоззрению. И, как видно по этому признанию, находил его только в мире Александра Блока. Роднит поэтов разных эпох, прежде всего, их пристрастие к *мифологии*, фольклору, через которые они постигали народное самосознание. И если о мифологизме Ю. Кузнецова сказано уже немало и справедливо, то мифологизм, фольклоризм и народность А. Блока остались нашей филологической наукой не постигнутыми. По причинам мировоззренческим и даже идеологическим. А также из-за значительной корпоративности науки.

Между тем из сорока одного года жизни А. Блок тридцать шесть лет летние месяцы проводил в подмосковной дедовской усадьбе Шахматово. Среди сельских просторов с детства постигал он народный образ России. Здесь вырабатывалось его мировоззрение, здесь, по его же словам, была для него ноша этого мира. «Собирая мифологические материалы», он «положил основание мистической философии духа». И «установившимся наиболее началом» считал «только одно: *женственное*» (дневниковая запись от 26 июля 1902 г.). Он искал цельный взгляд на мир. И, кстати, происходило это до увлечения его поэзией Владимира Соловьева с его «мировой душой» — Софией. Об этом позже Блок писал в автобиографии: «Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строчки так называемой «новой поэзии» я не знал до первых курсов университета. Здесь, в связи с острыми мистическими и романтическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева. До сих пор мистика, которой был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века, была мне

непонятна; меня тревожили знаки, которые я видел в природе, но все это я считал «субъективным» и бережно оберегал от всех».

Поэт с увлечением и основательно изучал фольклор в университете. Наибольшее влияние оказал на него профессор И.А. Шляпкин, у которого он даже бывал дома и, как видно, вел с ним беседы о мифологии и фольклоре. В письме к матери 9 сентября 1905 года он писал: «Был у Шляпкина... говорил ему о Достоевском, Иване Царевиче и пр., и он соглашался». Летом 1903 года намеревался написать работу «Сказания об иконах Богородицы». В письмах, рецензиях на научные труды он излагает свое понимание фольклора и мифологии, дает характеристики фольклорных научных школ. Уже в юности Блок глубоко понимает природу мифологии и фольклора. В них видит связь между временным и вневременным, преходящим и вечным, земным и небесным. Мифология «повествует о тайном сочетании здешнего и нездешнего, земного и небесного... Мифы — цветы земные. Они благоуханны только до предела религии. Выше мифу нет места» (дневниковая запись от 2 апреля 1902).

Итогом фольклорных размышлений Александра Блока стала его глубокая статья 1906 года «Поэзия заговоров и заклинаний». Но есть еще один источник, свидетельствующий о том, как серьезно относился он к мифологии и фольклору. Это письмо от 24 октября 1905 года к художнице Татьяне Николаевне Гиппиус (сестре Зинаиды Гиппиус), писавшей его первый портрет. В октябре 1905 года Т.Н. Гиппиус попросила Блока помочь разобраться ей в фольклорной литературе. И он охотно и аккуратно исполняет ее просьбу, указав в письме около пятидесяти сборников фольклорных текстов и исследовательских работ, дав характеристику фольклорных научных школ.

Без этого письма А. Блока невозможно научное исследование его воззрений, постижение им народного самосознания. Но такая народная сторона творчества поэта, как уже сказано, оказалась, по сути, обойденной филологической наукой. Разве не об этом свидетельствует поразительный факт, что это бесценное для науки письмо поэта оказалось опубликованным только *сорок пять* (!) лет спустя после его кончины (В.С. Махлин, Филологический сборник, 1966). А другие материалы, относящиеся к той же теме, письма самого поэта опубликованы и того позже (письма к Т.Н. Гиппиус в Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 г.; «Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921)» из серии «Литературное наследство» в 1982 г.).

Я останавливаюсь на мифологических воззрениях Александра Блока, имеющих прямое отношение к народности его творчества, по возможности подробно потому, что и до сих пор великий русский поэт не только в читательской, но и в научной среде предстает эдаким «декадентом», что подлинная народность его наследия все еще остается непроясненной, а точнее — научно обойденной. И не столь важно, по каким причинам это произошло и все еще происходит. Ему отказывается даже в христианстве — причем авторами, и Евангелие-то впервые открывшими, дожив до седин: «Двоеверие Блока, так и не решившегося на окончательный выбор между Дионисом и Христом, не достигшего искомого им “апокалиптического синтеза” язычества и христианства» (Александр Водолагин. Тайное знание Александра Блока // Наш современник. — № 11. — 2015). Но «двоеверие» немислимо и невозможно, о чем справедливо писал академик Д.С. Лихачев. Кроме того, никаким подобным «синтезом» Блок никогда не занимался, изначально отрицая возможность «нового христианства». И уж тем более не занимался «богоискательством», о чем свидетельствует его обстоятельное письмо З.Н. Гиппиус от 14 июня 1902 года из Шахматова.

В ответ на ее «религиозно-философские» искания «белого» синтеза, должествующего сочетать и «очистить» эстетику и этику, язычество и «старое хрис-

тианство», Блок вступает с ней в спор «относительно возможной “реальности” — этого сочетания», убеждая З. Гиппиус в том, что существует «“иной” — и уже окончательно “апокалиптический” синтез, именно тот, о котором сказано: “...Я емь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний...” К тому единству мы можем деятельно стремиться. Это же явится “помимо” воли». И потом до конца дней своих эти «религиозно-философские» искания «нового христианства» называет не иначе как «декаденничаньем». Кстати сказать, в таком изначально христианском представлении поэта уже таился финал его поэмы «Двенадцать». После тяжелых раздумий о «Другом» символе веры, он все-таки оставляет этих падших людей с Христом, помня о том, что «не здоровые имеют нужду во враче, но больные... Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9:12-13).

Но, отбросив весь мифологизм и фольклоризм Александра Блока, исследователи все еще усматривают в его воззрениях символику «восточной эзотерической традиции западной метафизики» (А. Водолагин). Вот только к мифологическим и христианским воззрениям Блока это имеет самое отдаленное отношение. Ничего подобного в воззрениях и верованиях поэта не было. Он писал о том, что «рожденные в года глухие» и не помнящие пути своего недостойны Его, а не отрицал Его: «И пусть над нашим смертным ложем / Взовьется с криком воронье, — / Те, кто достойней, боже, боже, / Да узрят царствие твое!»

Совершенно очевидно, что прежде всего мифологическим мышлением Александр Блок привлекал внимание Юрия Кузнецова. Сошлюсь на конкретный и, как думается, убедительный пример. Есть у Юрия Кузнецова стихотворение «Тайна славян». Приведу это стихотворение поэта 1981 года:

Буйную голову клонит ко сну.
Что там шумит, нагоняя волну?
Во поле выйду — глубокий покой,
Густо колосья стоят под горой.
Мир не шелохнется. Пусто — и что ж!
Поле задумалось. Клонится рожь.
Тихо прохлада волной обдала.
Без дуновения рожь полегла.
 Это она мчится по ржи! Это она!
Всюду шумит. Ничего не слышать.
Над головою небесная рать
Клонит земные хоругви свои,
Клонит во имя добра и любви.
А под ногами темней и темней
Клонится, клонится царство теней.
Клонятся грешные предки мои,
Клонится иго добра и любви.
 Это она мчится по ржи! Это она!
Клонится, падает с неба звезда,
Клонит бродягу туда и сюда,
Клонит над книгой невинных детей,
Клонит убийцу над жертвой своей,
Клонит влюбленных на ложе любви,
Клонятся, клонятся годы мои.
Что-то случилось. Привычка прошла.
Без дуновения даль полегла!
 Это она мчится по ржи! Это она!
Что там шумит? Это клонится хмель,
Клонится пуля, летящая в цель,
Клонится мать над дитятей родным,
Клонится слава и время, и дым,

Клонится, клонится свод голубой
Над непокрытой моей головой.
Клонится древо познания в раю,
Падает яблоко в руку мою.

 Это она мчится по ржи! Это она!
Пир на весь мир! Наш обычай таков.
Славно мы прожили сорок веков.
Что там шумит за небесной горой?
Это проснулся великий покой.
Что же нам делать?.. Великий покой
Я разгоняю, как тучу рукой.
Буйную голову клонит ко сну.
Снова шумит, нагоняя волну...
 Это она мчится по ржи! Это она!

Как тут не вспомнить страстный возглас автора «Слова о полку Игореве»: «Что ми шумит, что ми звенит — далече рано пред зорями». Но что это за *Она* в рефрене стихотворения Юрия Кузнецова? Это легенда, услышанная молодым А. Блоком у деревни Боблово, где находилась усадьба Д.И. Менделеева и где пребывала Прекрасная Дама — Любовь Дмитриевна.

Вот эта легенда, которую он излагает в письме З.Н. Гиппиус: «Здесь в одной из соседних деревень ходит странное (и уж исторически совсем необъяснимое) поверье: “она мчится по ржи” (буквально — и больше ничего). Кажется, что теперь эта “она” исчезла до времени. Тут есть ведь совпадение, какая-то трудно уловимая, но ощутительно одна мечта и с тем Петербургом, который “поднимается с туманом” (у Достоевского) и с Вашим “невидимым градом Китежем”; все они возвратятся *иными* “в последний день”, — т.е. — хоть в последний день для каждого из отдельных, желающих проникнуть... Тогда в смертном сне должна явиться эта мечта воскресения — “она, мчащаяся по ржи”, как Достоевскому явится “новый град Петербург, сходящий с неба”».

Она мчится по ржи — мечта воскресения. То есть Блок не подпадает под влияние устоявшихся и распространенных понятий, но находит свой взгляд на мир. И находит его в мифологии и фольклоре, в народном самосознании, в христианстве, а не в каких бы то ни было (и уж тем более не в эзотерических) учениях.

В 1908 году А. Блок пишет пронзительный цикл «На поле Куликовом», причем подчеркивая, что стихи родились в Шахматове. И *Она* — незримая, обретает уже конкретное образное воплощение:

...И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

Так легенда, услышанная Александром Блоком, осмысленная и поэтически воплощенная им, вошла в стихи Юрия Кузнецова, стала предметом осмысления нашей народной судьбы уже в новых исторических условиях. А образ лошади, коня — символа стихийности жизни — был традиционным, как для Ю. Кузнецова («Клубится пыль через долину. / Скачи, скачи, мой верный конь», «Мы поскачем во Францию-город»), так и в русской поэзии вообще — «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» (Н. Рубцов).

Юрий Кузнецов своим творчеством, всей своей судьбой явил нам убедительное свидетельство того, что великая русская литература, несмотря ни на что, продолжается. И пребывает она не там, где все еще висит над нами «гуманистический туман» (А. Блок), не там, где все еще буйствует «книжный рынок», уничтожая литературу, и не там, где лицедействуют и самоутверждаются, — но там, где спасаются в вере.